

Ольга Верещагина

**ПОЕЗДА, ВАГОНЫ,
ПЕРЕГОНЫ**

Ольга Верещагина

Поезда, вагоны, перегоны

«Издательские решения»

Верещагина О.

Поезда, вагоны, перегоны / О. Верещагина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939844-4

— Билетики, билетики готовим... А вы тут у меня вдвоем пока едете? Хорошо, когда свобода в купе и лишних ушей нет... Ну, что, девчонки, грустите? Все мы девчонки до самой пенсии... А чего — это было? Я не поняла... Для кого этот концерт с выходом устроила твоя мамаша? Хотела еще и в вагон за тобой сигануть. Ну и, шустрая... А ты, извини, я на — ты... Я — Вера, а как зовут тебя?

ISBN 978-5-44-939844-4

© Верещагина О.
© Издательские решения

Содержание

Поезда, вагоны перегоны	6
Ты меня окликнул на перроне	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поезда, вагоны, перегоны

Ольга Верещагина

© Ольга Верещагина, 2018

ISBN 978-5-4493-9844-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поезда, вагоны перегоны

Мне часто задают вопросы, почему мои рассказы, написаны в виде разговоров в вагоне поезда. Думаю многим знакома эта обстановка купе и вагона, располагающая к откровенным, ни к чему не обязывающим беседам по душам.

Мне часто, по своей работе, приходилось ездить в дальние командировки. Сколько интересных людей и судеб я встретила в своих поездках. Сколько попутчиков, просто доверяли свои тайны незнакомым им людям, не решаясь всё рассказать своим близким. Я вышла на пенсию и решила, что все эти истории нужно записать и издать небольшим, а может и большим сборником. Да простят меня скептики, мол сюжет однообразен – поезд, но судьбы и истории написала сама жизнь, и такое придумать автору не под силу. Единственно что я изменяю – это имена, города и высказываю, иногда, своё мнение. Прошу меня простить за это. С уважением и наилучшими пожеланиями, Ольга Верещагина.

P.S. Жду от вас, мои читатели, ваши истории. Буду счастлива, если поделитесь. Клятвенно обещаю, тайну сохраню.

Поезда, вагоны, перегоны,
И колес старательная дробь,
Мне осталось в жизни, так не много,
Сожалеть о том, что не сбылось.

Сяду в поезд, и налью я чаю,
И поеду, просто в никуда,
Будет мой сосед смотреть, скучая,
На бегущие в окошечке дома.

Поезд – жизнь сигналил в повороты,
Я иду, освободите путь,
Я сижу и слушаю трезвоны,
Ложечки в стакане, ну и пусть.

Жизнь, что поезд, все куда-то мчится,
Оставляя сзади города,
Может что-то в ней еще случится,
Полустанок, станция, река.

Выйду на перроне, оглянусь я,
Просто постою и посмотрю,
И увижу, как народ в вагоне,
Все гадают про судьбу мою.

Стук, стук, стук, а может и не стоит
Выходить, а дальше все катить,
Но меня, все что-то беспокоит,
Тук, тук, тук, а сердце все болит.

Поезда, вагоны, перегоны
<http://www.stihi.ru/2015/04/24/3163>

© Copyright: *Ольга Верещагина, 2017*
Свидетельство о публикации №217030400953

Ты меня окликнул на перроне

(Дружба, счастье и любовь за колбасу не продаются)

<http://www.stihi.ru/2014/08/18/9994>

Ты меня окликнул на перроне,
Посмотрел внимательно в глаза,
Годы пролетели, ну и что же,
Мы не молодые – это да.

Мысли вороньем кружили в памяти,
Тучи сизые, как стаи голубей.
Жизнь, воровкой, как на паперти,
Все глумилась и смеялась – веселей!

Из вагонов грязных и прокуренных,
Пассажиры выходили на перрон,
Ты стоял, такой взволнованный,
И в руках сжимал букет цветов.

Розы желтые светились свежестью,
Солнышки, в тревожной полутьме,
Ты хотел сказать мне, что – то нежное,
Но молчал, и было грустно мне...

Пассажиры, кутаясь от холода,
Всё спешили поскорее разойтись,
Мы стояли на перроне в городе,
И не знали, как, куда идти...

Что сказать, что две судьбы поломаны,
Очень трудно все с нуля начать,
В полутьме замерзшего перрона,
Так не просто новую дорогу отыскать.

Ты меня окликнул на перроне,
Посмотрел внимательно в глаза,
Годы пролетели, ну и что же?
Мы не молоды, так это не беда...

© Copyright: Ольга Верещагина, 2014
Свидетельство о публикации №114081809994

– Поезд Москва – Владикавказ через 30 минут прибывает на конечную станцию. Сдаём постель. Готовимся к выходу. Не забываем вещи... – громко предупредила проводница, по имени Вера, оставшихся пассажиров своего купейного вагона.

Пассажиров до конечной станции осталось немного. Многие вышли по пути следования.

Алёна стояла у окна и напряжённо всматривалась в бегущие мимо столбы, как – будто бы их считала. Она стояла и сосредоточено о чём – то думала. О чём я, конечно, догадывалась, но не спешила с выводами.

Я сидела в своем купе и наблюдала за ней в приоткрытую дверь. Алёна стояла, держась двумя руками за поручни, и покачивалась, в такт движения поезда, изредка встряхивая копной пшеничных волос, разметавшихся по ее плечам. Она волновалась, и это была очень заметно. Часто поправляла свои волосы, то откинет их за спину, то пытается собрать в пучок, и только очередной крен или толчок вагона вынуждал ее ухватиться за поручни, копна непослушных волос опять хаотично рассыпалась по плечам.

Мне хотелось её убедить в том, что не стоит так волноваться, что всё скоро разрешится в ту или иную сторону, и что станет спокойнее и легче, но я молчала, да и она бы меня сейчас не услышала. Она была, там где-то в своих сомнениях и переживаниях. Ей предстояло коренным образом изменить свою жизнь, и это её очень волновало. Она не могла даже предполагать, что её ожидает через полчаса... Она до сих пор сомневалась в правильности своего решения ехать к нему, к этому незнакомому и близкому ей человеку, бросив Москву и обеспеченную жизнь, бросив всё, но выбрав её, вот именно её – любовь, желание быть любимой и счастливой. Они договорились, что она приедет, но полной уверенности у неё не было, особенно после встречи с мамой и Вадимом на перроне. А в ушах звучали слова проводницы Веры, сказанные в порыве счастья просто поговорить по душам за столом – «дружба за колбасу не продается...»

Вот именно подумала вслух Алена:

– Дружба, любовь и счастье за колбасу не продается, а за бабки тем более. Всё просто и верно. И я еду к нему. Я все скажу ему, и он поймет меня. Для меня это прыжок в неизвестность из одиночества.

– Все верно. Всё верно... Лучше самая непредсказуемая правда, чем неизвестность... – просто, скорее всего, больше для себя, чем для Алёны, вслух проговорила я.

Поезд, сбавляя ход, втягивался на перрон конечной станции Владикавказ.

Пассажиры засуетились, засобирались, застегивая и проверяя свою поклажу.

Дети забегали по коридору, мешая взрослым. Они устали сидеть в душных вагонах. Им хотелось на волю. Алёна стояла, плотно прижавшись к поручням, и внимательно следила за медленно наплывавшим вокзалом и суетой встречающих на перроне.

Я её пригласила в купе:

– Ну, вот и прибыли. Давай собираться, Алёна. Да, ты не переживай, все сложится у вас хорошо...

– Ой, Ольга, не знаю, но хочется верить...

Поезд дернулся, проскрипели колодки тормоза, и встал.

Алена стояла в проёме двери нашего купе и внимательно смотрела на перрон. Вдруг она встрепенулась, засуетилась в нерешительности, взяла свою небольшую ношу и сказала:

– Ну, вот, я и приехала. Вон, кажется, и меня встречают. Пожелай мне удачи.

– Да, конечно, Алёна. Будь счастлива, а главное не давай себя унижать. Самое большое богатство – это ты сама. Запомни это. Удачи тебе.

– Спасибо, за всё. Я тебе позвоню, можно? – спросила она.

– Конечно, я же дала тебе свой телефон, звони, буду ждать продолжение истории.

– Обязательно... – только успела проговорить она, как в купе протиснулся, между выходящими пассажирами мужчина и букетом роз.

– Алёна... Ну, что так долго? Я уже волноваться начал. Думал, не приехала или вышла по дороге... Здрости... Александр. Это тебе, держи, не уколись... – скороговоркой, торопясь, говорил мужчина, протягивая цветы Алёне, протискиваясь в купе, не решаясь её обнять в моем присутствии.

– Привет, Саша – тихо сказала Алёна – а я взяла и приехала.

– Ну, и молодец. Давно нужно было. Я так тебя ждал. Где твои вещи? Давай и пошли.

Алена протянула ему свою легковесную ношу.

– Это все вещи? Ты что ненадолго? А думал насовсем? – грустно, в растерянности, произнес Саша.

– Я то насовсем, но так вышло, что без вещей...

– Да, ладно, так даже лучше.. Всё с нуля... А давайте, я Вам помогу – обратился Саша ко мне.

– Спасибо, не нужно меня вон команда встречает. Сейчас все пассажиры выдут, они войдут и вещи возьмут, только успела сказать я, как в купе заглянула моя приятельница.

– Вот, тут она. Иди сюда – позвала она кого – то.

Алёна с Сашей быстро попрощались и вышли.

Пока мы распределяли, кто и что понесёт, я краем глаза увидела, как по перрону, прошли двое, Алёна и немолодой, немного провинциальный мужчина, который бережно, слегка придерживая её за талию, и обводя встречных прохожих, вел её к выходу в город. Мне очень хотелось узнать, чем закончилась Алена история, я хотела, чтобы она мне позвонила. Я ей дала свой телефон, но не взяла её. Я это сделала намеренно, чтобы она сама позвонила. И она мне однажды позвонила, за что её благодарю.

А для Вас, мои дорогие читатели – эта интересная история со счастливым концом. Имена и город назначения я изменила, но суть осталась...

И так... слушайте... А вернее читайте...

У меня в студенческие годы была подруга. Звали её – Светлана. Была она невысокая, скажем далеко не красавица, но с удивительными большими чёрными, как южная ночь глазами и длиннющими ресничками. Сама она была уроженкой Ульяновской области и такая яркая натуральная блондинка с местным чёкающим говорком.

– Ну, и чё? Чё случилось? – была её любимая поговорка.

Меня всегда эта, её поговорка веселила. Любила Светлана военных. Часто ходила в военные училища, а их в ту пору в Ульяновске было четыре, на все открытые вечера. Почему открытые? Все – просто. Молодые офицеры, должны были учиться танцевать и выбирать себе жён, чтобы распределяться уже семейными и получить жильё. Поэтому руководители военных училищ приглашали девчонок из торгового, мед и фарм училищ, с девичьим контингентом, на офицерские балы. Как мы ходили на них – это тема особого разговора, и не менее интересного.

Вот на таком из вечеров, Светлана познакомилась с высоченным красавцем, почти военным инженером по нефтепродуктам и будущим её мужем. Володя, так звали его, заканчивал почти одновременно со Светланой училище и отбывал на север, в неизвестность. Он сделал Светлане предложение. Светлана согласилась, и они после сдачи госов – срочно уехали на место службы молодого инженера.

На долгие годы наши пути разошлись, но вдруг однажды я в своих сообщениях увидела её взволнованное письмо. Сказать, что я обрадовалась – не сказать ничего.

Светлана писала много и интересно. Я ей отвечала. Вскоре Володя, наконец, вышел в отставку, и они, семьей переехали во Владикавказ.

– Ну, чё? Тебе слабо приехать к нам в гости – атаковала меня моя подружка, при каждом нашем разговоре по скайпу.

– Чё, сидишь со своими внуками? Приезжай фруктов поешь, и наших внуков посмотришь – горячилась Светлана.

И я – сдалась... Взяла Света меня на слабо, уговорила, а ещё заказала грибов и северных ягод, в обмен на южные деликатесы. Я быстро собралась, купила билеты и поехала в гости к подруге.

Я села в поезд Киров – Москва. В Москве была пересадка на поезд, следующий во Владикавказ. Вещей и подарков везла с собой много. Наняла носильщика. Нашла свой вагон. Пока добиралась до своего вагона, устала, вспотела и решила выйти, постоять у вагона, благо до отправления оставалось еще минут 30.

А вокруг, на платформе суетились пассажиры, носильщики, встречающие и провожающие. Проводница нашего купейного вагона с усталой улыбкой встречала пассажиров и внимательно, с какой – то тревогой, поглядывала в сторону, стоящих неподалёку двух женщин. Я тоже посмотрела в ту сторону, где они стояли.

Примерно в метрах 10 от меня, рядом с нашим вагоном стояли две женщины. Одна помоложе, лет 45 – 50, а другая выглядела моложаво, но чувствовалось, что ей много больше, из чего я сделала вывод, что – это мать и дочь. Женщины громко разговаривали.

– Ты, не можешь всё бросить, я столько сил вложила, чтобы ты была счастлива и прожила свою жизнь в достатке. Ты не можешь меня так бросить. Не смеешь этого делать. Прошу тебя, пойдем домой. Вадим приедет, поговорим – почти рыдала женщина, которая постарше.

Она была одета стильно и со вкусом, соответственно своему статусному положению. То и дело прикладывала кружевной носовой платок к глазам и оглядывалась по сторонам, интересуясь, кто её слышит, как бы привлекая внимания к себе прохожих и ища у них поддержки. Она говорила и говорила, всем своим видом и нажимом, показывая своё могущество и высокое положение, как бы обращаясь к проводнице и другим людям, приглашая их поддержать её.

– Никуда я тебя не пущу. И не надейся. Все бери свою сумку и пошли домой. Шофёр ждет... – почти кричала она.

– Нет, мама. Не пойду. Я всё решила. Я ничего не хочу обсуждать, тем более с тобой. Всё. Иди домой. Не устраивай спектаклей. Это уже не смешно – спокойно говорила вторая женщина.

Она была одета просто, но чувствовалось, что в ней есть та сила и уверенность в себе. На ней была бежевая куртка с капюшоном, отделанным чернобуркой, элегантные темно коричневые обтягивающие брюки и белые высокие зимние кроссовки. В руках она держала небольшую дорожную сумку – рюкзак, в тон куртки, и пакет.

Женщина тихо отвечала, что- то матери. Потом резко сняла капюшон, и пышные волосы разметались по плечам.

Мне стало неудобно подслушивать разговор матери с дочерью, и я пошла в вагон, размещать свою поклажу.

Я вошла в своё купе, там еще никого не было, и стала разбирать свои вещи. Я везла много подарков Светлане и её семье. Мне хотелось всё разложить так, чтобы по приезде просто отдать им всё сразу в поезде, поскольку они должны меня были встречать.

Вдруг в дверь купе постучали. Я открыла её и увидела ту женщину, которая разговаривала с мамой у вагона.

– Здравствуйте – уверенно и чётко произнесла она.

– Я наверно ваша соседка. У меня 19 место, нижнее. Ой, у Вас очень много вещей. Занимайте мой рундук, у меня только одна сумка, да пакет с продуктами.

– Здравствуйте. Большое спасибо, очень кстати. Набрала подарков, ничего не помещается в мой рундук. Давайте знакомиться – меня Ольгой зовут, а Вас?

– Очень приятно, а меня Еленой, а вернее Алёной, так все меня называют, с легкой руки моей мамы. Она меня всегда звала – Алёнушкой – с какой-то грустью в голосе, произнесла Алёна.

– Очень приятно познакомиться. Далеко едете? Я – до конечной. А Вы? – спросила я.

– И я наверно тоже – как – то растерянно произнесла Алёна – размещайтесь, а я пойду, попрощаюсь с мамой.

Алёна оставила свои вещи и вышла.

Я разложила свои пакетики и сумки по рундукам, переоделась и решила ещё раз выйти, постоять на перроне. Мне стало интересно, что же случилось с Алёной и почему мать, так категорично отговаривает её от поездки.

Алёна и её мать стояли всё там же. Мать уже плакала, но плакала, как-то наиграно, на публику. Говорила пафосно, давя на жалость.

– Ты, Алёна не понимаешь и не знаешь, как жить без денег. Ты никогда не знала отказа в средствах. И папа, и Вадим, всегда обеспечивали тебя и твоих детей всем. Чего ты ищешь на старости лет? Любви? Какой любви? Плотской? Я всю жизнь прожила, ради тебя без неё – ничего жива и здорова, как видишь. Так многие в нашем кругу живут. Чего тебе не хватает? – почти кричала мама Алёны, призывая, в свидетели меня и проводницу.

– Это моё дело, мама. Я так решила. Я просто устала быть дорогой мебелью в ваших манипуляциях с Вадимом, и это твой выбор, но ты не дала мне возможность самой решать. Вот я и решила. Я уже взрослая девочка, я уже бабушка, и ты это знаешь. Я могу немного позволить пожить так, как я хочу. Это мой выбор. А у Вадима – свой выбор. Ему я нужна, как красивая ширма его благополучной семьи, которой фактически и не было. Всё, иди домой. Хватит эпатировать народ. Это вокзал, а не театр – тихо увещевала мать Алёна.

– Ну, слава Богу. Ну, где ты задержался? Я здесь, 7 вагон. Скорее иди, а то уедет... – кому-то ответила мать Алёны в телефон.

– Ну, всё, мама. Успокойся и иди домой. Ничего не случилось. Вы с папой ещё вместе и всё будет хорошо. Слава Богу, все – здоровы. А я буду звонить, и приезжать в гости.

– Ты не представляешь, что такое Кавказ. Ты же ничего не знаешь, что там случится и как... Останься, прошу тебя, доченька, очень прошу, и папа просит... Чем тебе здесь плохо? А как же твои дети?

– Успокойся, мама. Дети уже взрослые, самостоятельные. У них уже свои дети, мои внуки и твои правнуки. Они имеют всё, что необходимо для жизни, да и отец здесь живёт, и вы с папой... – спокойно успокаивала Алёна мать.

– Останься, доченька, прошу тебя... Здесь у тебя есть всё – и квартира, и дача, и положение, и служебная машина, всё, что не пожелаешь... Бог с ней, с любовью... На что она тебе нужна, если ты всё это потеряешь? Такого мужа потерять в твоём возрасте – это непростительно... Пойми это... В твои 56- это глупо любви искать и с кем, да еще где? У черта на куличках... Нашла бы любовника, да и Вадим бы особенно не возражал... Вадим же тебя содержит... А остальное – блажь... Останься...

– Нет, не останусь. Билет на руках, вещи в вагоне. Я поеду. Как всё решится, позвоню. Иди домой, успокойся. Всё будет хорошо.

– Ну, не хочешь с Вадимом жить, живи у нас. Я с папой поговорю. Заведи кого – ни будь, раз приспело. Только останься.

– Нет, мама, меня уже ждут. А самое главное, я сама этого хочу. Я всё решила, я – еду – решительно проговорила Алена.

– Внимание провожающих и пассажиров!!! Через 5 минут поезд отправляется в путь. Прошу всех отъезжающих войти в вагон – громко прокричала проводница нашего седьмого вагона.

– Ну, вот и всё. До свидания, мама. Не плачь. Я тебя люблю. Поцелуй папу. Скажи – всё будет хорошо – скороговоркой проговорила Алёна, собираясь сесть в вагон, но вдруг к ним подошел мужчина и взял её за локоть.

Мужчина стал что-то быстро надменно ей говорить. Мать вцепилась ей в другую руку и удерживала её, пока мужчина что-то ей говорил. О чём он говорил, я не слышала, поскольку уже была в вагоне, могла только видеть, как Алёна освободилась из цепких рук матери и этого мужчины, стояла, гордо подняв голову, и слушала, что они ей говорили. Она спокойно, даже как – то отстранено выслушала всё, что сказал мужчина, резко повернулась и, не оглядываясь, вошла в вагон.

Мать постаралась догнать её, но проводница преградила ей путь в вагон.

– Поезд трогается. Провожающим в вагон нельзя. Предъявите билеты – громко сказала она.

Мать вернулась к окну вагона, где стояла Алёна. Она ей что-то показывала, манила и просила, выйти из вагона, плача и прижимая кружевной платок к глазам.

Поезд медленно набирал ход.

Мимо окна проплыло изваяние Вадима с надменно – презрительным выражением, к которому подошла мама Алёны и взяла его под руку, помахав нам своим кружевным платочком.

Поезд шёл, постукивая на стыках. Он вёз нас во Владикавказ.

Впереди почти двое суток дороги, и много, много разговоров...

За окном пробежали дома, полустанки, электрички, а мы с Алёной стояли у окна и просто смотрели на них, каждая думая о своём.

– Приготовим билеты, для проверки – это проводница Вера, вывела нас из задумчивости.

– Ну, вот и поехали... – произнесла я, входя в купе.

Проводница Вера, об этом у неё было написано на бейджике, шла по вагону и собирала билеты, принимала заказы на обслуживание и выдавала постельные принадлежности.

За мной следом вошла и села на свою полку Алёна.

– Ну, вот и поехали... Сейчас билет отдам Вере и выйду, дам Вам возможность спокойно переодеться... – только и успела я произнести, как в купе протиснулась наша проводница, с замечательным и редким именем Вера.

– Билетики, билетики готовим... А вы тут у меня вдвоем пока едете? Хорошо, когда свобода в купе и лишних ушей нет... Ну, что девчонки, грустите? Все мы девчонки до самой пенсии... А чего – это было? Я не поняла... Для кого этот концерт с выходом устроила твоя мамаша? Хотела еще и в вагон за тобой сигануть. Ну и, шустрая... А ты, извини, я на – ты... Как зовут тебя? А – Елена, так в билете написано, а мамаша тебя Алёной называла... Так вот, Алёна, я простая, сильно битая жизнью бабища, точно знаю, что так нельзя давать на себя плевать никому. Хотела я тебя раньше позвать, да этот гусь лапчатый явился, по её велению... Да, что я говорю... Простите меня, но жизнь здесь в вагоне и поезде повидала... Душа поговорить просится... А что? Народу мало в вагоне, все сейчас чайку попьют и лягут, а может, посидим по – бабски, от души с чайком и душой, а может чё покрепче? А? Вижу грустно и тяжело тебе, а поговорим – полегчает... А? Так, найти? – торопливо предлагала Вера, а я видела, как ей самой хотелось просто поговорить и высказать все, что наболело на душе. Вся эта история с проводами Алёны всколыхнула что-то давнее и недосказанное за эти годы непростой жизни Внры. Мы были все примерно, ровесницы, и у каждой был свой большой жизненный багаж...

– А что? Почему бы и нет? – поддержала я Веру – пока Алёна переоденется, потом стол накроем, и ты Вера придешь и просидим. Правда поговорить хочется... Меня тоже задела твоя история. Алёна, а как ты считаешь? – обратилась я к Алёне.

Алёна немного помолчала, а потом вдруг улыбнулась, какой – то сдержанно – счастливой улыбкой и ответила:

– А что? Устроим сабантуйчик, но у меня с собой только несколько бутербродов и всё.

– Ничего, зато у меня хватит на всех... – предложила я.

– Ну, что? Водочки принести? Помаленьку для души? А? – перебила меня Вера.

– А давай, неси. Нужно, как лекарство... – сказала я и засмеялась.

– Я быстро... Всех уложу и прибегу... – хитро подмигнула Вера, и мгновенно исчезла из виду.

– Ну, вот и договорились. Я сейчас выйду, ты переодевайся, а я выйду постою в коридоре, посмотрю Москву. А потом приготовим что – ни будь на стол. У меня много всего, я всегда много беру в дорогу еды, привыкла с детьми и внуками ездить, а в дороге всегда есть хочется – сказала я и вышла, прикрыв дверь купе, дав Алёне возможность побыть наедине с собой.

Поезд пробирался по Москве тихо стуча колёсами на стыках. У меня не выходила из памяти та сцена прощанья на перроне. Даже Вера, и та все поняла, поняла всю наигранность той ситуации. Мне хотелось скорее узнать, что же случилось и почему, куда Алёна едет, не смотря на настойчивое предупреждение матери и презрительное молчание её мужа. Не показалось, что она бежит только от кого, скорее всего от себя.

Я стояла у окна поезда и думала о своём, девичьем. Мысли неслись со скоростью скорого поезда, перебивая друг друга и мешая сосредоточиться на одной. Сколько всякого случается в жизни женщины, когда она, наконец, придет к философскому пониманию счастья и покоя, перестанет метаться, и примет свою жизнь и судьбу такой, какая она есть. И я не исключение, ведь многие рассказы и пересказы чужих судеб я пропускаю через призму своего понимания счастья и благополучия, а так же с позиции любви и нелюбви... Сколько в жизни мне пришлось пережить и от чего отказаться, чтобы найти возможность, в силу своего богатого опыта и возраста, осмелиться что – то советовать... Упаси Бог, от таких советчиц – скажите вы и правильно сделаете. Самый лучший мой совет – никогда не давать советов, ибо Её Величество Судьба очень капризна и избирательна.

– Оля! Я всё... Заходите... – позвала меня Алёна, открыв дверь, и тем самым прервав мои размышления.

– Иду, иду... – ответила я и вошла в купе.

– Ну, что устроилась и хорошо. Дорога дальняя, почти 2 суток. Давай, все таки на ты. Мы же почти ровесницы, да и легче будет общаться – предложила я.

– Хорошо, давай. Согласна. Надоели эти церемонии. Там, где они есть, нет жизни, один пафос... – задумчиво проговорила Алёна.

Я внимательно на неё посмотрела.

На противоположной полке сидела худощавая, выглядевшая моложе своих лет, с пышной, непослушной девичьей копной вьющихся волос, моложавая женщина. Она была одета в стильные, чуть ниже колен светлые брюки и фиолетовую, очень точно подчеркивающие ее, цвета спелой пшеницы, копну волос и серо – зеленых глаз, футболку. Единственно, что выдавало её возраст это очень усталое выражение лица и темные круги под глазами, что говорило о глубоком переживании и волнении. Она не могла найти положение для рук. То поправляла волосы, то поправляла футболку, то что-то искала в сумке, но не находила.

– Ну, что угнездилась? – засмеялась я, прерывая вынужденную паузу – давай стол накрывать, скоро Вера прибежит, и начнем вечер встреч и секретов по бабски

– Это точно... Как точно ты сказала – грустно проговорила Алёна.

– А что, так и есть. Нам женщинам, это как бальзам на душу, поговорили, отпустили и дальше с облегчением полетели... Разговоры по душам иногда лучше всякого доктора и лекарства помогает. Нет легких судеб женских, есть закрытые и стойкие, а есть слабые, те которые всю жизнь делают вид, что легко живут, а ночами в подушку рыдают.

Алёна сидела и смотрела прямо перед собой.

А я доставала пакетики и баночки со снедью. Пакеты предательски шуршали, продукты вкусно пахли... Я вдруг поняла, что проголодалась, даже ни столько проголодалась, сколько немного расстроилась за Алёну и себя с Верой. Все мы женщины и у всех что-то да не так... А кто знает как надо? Кто скажет, как жить правильно? Никто... Нет готовых советов на все случаи жизни.

– Ну, вот я почти и готова к приёму... Давай по бутеру, как мой внук Ваня говорит, перед ужином для заправки, червячка заморим – предложила я Алёне.

– Давай, а то я почти ничего не ела целый день. Дома не могла, а у мамы, после её отповеди, не стала – сказала Алёна и стала доставать свои припасы.

– Да, ты не шелести там пакетиками, сегодня здесь всего хватит, а завтра – твои съедим. На, вот возьми и жуй. Вот вода есть запей, а чай принесет Вера – сказала я.

– Хорошо – согласилась Алёна, взяла бутерброд, откусила кусочек и задумалась о чём – то своём.

– Есть хочу, а не лезет, как что – то не пропускает, наверно обида на маму. Не думала, что так получится... Маму с одной стороны жалко, а с другой стороны она сама виновата. Только в чём, сама не пойму, что вся жизнь её была посвящена мне и моей семье, что она нашла себя только в этом. Вот представь, я уже вышла на пенсию, а она меня до сих пор опекает. А еще жалко её за то, что у неё нет своей личной жизни. Это я сейчас понимаю, что папа поступил с ней так же, как было принято поступать в нашем обществе, а мой муж – поступал так же со мной, боюсь, что мои сыновья, меня не поймут, и будут поступать так же. Да, что я говорю? Хотя, всё верно. Они уже так и поступают... Только я так больше не хочу, а вернее не могу. Я хочу всё изменить.

– Не знаю, что тебе и сказать... – произнесла осторожно я – мне, кажется, все имеют право распоряжаться своей судьбой, по своему усмотрению. Сейчас же не крепостное право.

– Да, ты права, но в том обществе, где я жила, этого не знают – горько усмехнулась Алёна.

Алёна немного подумала, как бы взвешивая ситуацию, посматривая в мою сторону, решаясь рассказать или нет о себе, и вдруг решила:

– Мне действительно мою маму жалко. Что она в жизни видела? Да ничего. Хотя и говорят, что дети и жёны номенклатурных работников живут прекрасно. Это большой блеф... Я – единственная её привязанность настоящая, за всю её жизнь. Я – самая любимая и выстрадавшая дочка, её игрушка, которую ей позволено было иметь. Вы думаете, что это глупость? Нет. Мою маму выдали замуж на мужа – чиновника вдвое старше её, когда она едва закончила 10 классов в 17 лет. Мой отец – чиновник высокого уровня, забавлялся с ней, пока не надоело. А как

надоело, разрешил забеременеть и родить. Вот так – родилась я. Отец хотел сына, но родилась девочка. Он сразу утратил интерес к нам обеим. Для моей мамы я была её несбыточным счастьем и радостью. В доме была няня, но мама никому не доверяла. Всё сама делала и за всем следила. А что ей оставалось делать? Работать ей не разрешил отец, да и куда? Профессии не было, образование – 10 классов. Да и жёны друзей и коллег моего отца все примерно в таком положении. Вот мать и из кожи лезла, чтобы угодить отцу, так принято было, вырастить меня и дать образование, чтобы могла получить приличную работу и соответствовать своему кругу. Это только на первый взгляд просто... – взволновано говорила Алёна, как бы боясь, что я её прерву, и она не сможет все наболевшее выплеснуть.

Я просто молчала. Я не знала что сказать. Мне казалось, что у жён чиновников всегда столько возможностей, что нам, простым смертным, и не снилось, а оказалось, что и богатые тоже плачут...

– Конечно, у нас было всё – госдача, машина, квартира в центре Москвы и многое другое, но самое главное, что отец маму не любил. Он женился, как и принято было на связях. Бедная моя мама, но со временем она привыкла к своему положению, и вплотную занялась моей судьбой. Излишняя опека это тоже, очень плохо. У меня не было подруг. Меня таскали по всем школам развития и репетиторам. Я закончила школу с золотой медалью. Мы с мамой тайком от отца ходили на курсы для поступления в университет, и я поступила. Как мы с мамой радовались. Мы представляли, как я стану великим журналистом... Но, увы... Однажды отец привел в дом молодого успешного чиновника, доктора наук и сказал:

– Вот, познакомьтесь мои дорогие – это Вадим. Ему прочат успешную карьеру. Его отец чиновник высокого уровня. У Вадима прекрасное образование, и он уже защитил в свои 32 года докторскую диссертацию. Я думаю, что Вадим будет хорошей партией для нашей дочери. У его отца хорошие связи. Свадьбу справим через пару месяцев. Думаю, вам 2 месяца хватит, чтобы познакомиться. Мы с матерью прожили хорошую жизнь. Всё нажили и всё имеем, и всё это нужно оставить в хорошие руки.

Алёна, волновалась. Ей хотелось подобрать слова, но этого не получалось, от этого она только ещё сильнее волновалась и переживала. Она сжала свои изящные руки в кулачки, сжала их, так, что дорогой красивый маникюр впился ей в ладони.

– А ты говоришь, что не крепостное право. Конечно, мы с мамой не стали устраивать сцен при госте, но как только Вадим ушёл, состоялся серьёзный разговор на повышенных тонах, и тогда впервые мама позволила себе спорить с отцом. А потом долго плакала в своей комнате. Отец согласился с нами в том, что я должна получить университетское образование, но при условии, что выйду замуж за Вадима. Это еще хуже крепостного права. Через два месяца состоялась пышная свадьба, потом медовый месяц. Нам подарили квартиру рядом с университетом, чтобы было удобно мне учиться. Оказалось, что доктору наук престижно стало иметь молодую красивую жену с университетским образованием, а ещё и престижную любовницу для утех. Что самое интересное, моя мама быстренько взяла Вадима под своё крылышко, и они вдвоем стали воспитывать меня, под эгидой добропорядочности и любви, хотя ею уже и не пахло. Вы же сами видели. Потом я родила двоих сыновей, чему мой отец и муж были очень рады, считается, что Вадим успешно вложил свой капитал в будущее поколение, продолжателей рода. Мама, почти полностью погрузилась в воспитание моих детей, тем самым мне удалось выйти на работу, которая давала мне возможность дышать поной грудью. Сыновья выросли и стали похожи на моего отца, чему и Вадим, мой отец, и свёкор были несказанно рады. Получив,

образование оба женились и взяли в жены престижных девушек. К женитьбе сыновей и поиску невест моя мама приложила максимум усилий. Самое главное, что с Вадимом они спелись и во всём были согласны, а меня с моей работой, никто не брал в расчет. Ты, скажешь, ну что тебе жаловаться – всё хорошо. А как же я? У меня ведь в жизни, так и не случилось бы счастья и любви, если бы я не встретила его... – почти выкрикнула Алёна.

Я сидела и жевала свой бутерброд. Что тут скажешь? Я не знаю... Я просто видела, как Вадим с презрением смотрел и говорил с Алёной, как её мать галкой кидалась на неё и клевала и клевала, забыв в горячке о своём нелегком опыте. Но, тут на моё счастье, в купе протиснулась Вера, резко открыв дверь, которая звонко брякнула о наличник:

– Ну, чего у Вас совсем тихо? Уснули что ли? – полушёпотом спросила проводница Вера, пробираясь к столу с тремя стаканами горячего чая в подстаканниках и бутылкой водки под пиджаком.

– Вот гонит, так гонит на перегоне... Чуть бутылку не выронила... Но, не чё шутить со мной, когда настроение выпить. Вот, держите. Стаканчики и рюмки, да еще сахарок и печенье... Чем Бог послал... Ой, да у вас тут ресторан целый – подмигнула Вера, умышленно смешно изменив слово ресторан.

– Проходи Вера, тебя ждём. Без стопки никак не получится. Наливай... – подбодрила я её.

– Ой, погодите. Сейчас разбужу смену и приду... – сказала Вера и вышла, осторожно прикрыв дверь, как будто бы она была стеклянная.

Алёна сидела и о чем – то думала.

Поезд постукивал колёсами по стыкам.

В купе было сумрачно и уютно. Все располагало к душевной беседе.

– Ну, вот и я... Заждались? Всё, всех уложила, напоила. Смену разбудила... Посидим, посплетничаем... Ой, как я люблю такие посиделки... – говорила проводница Вера, прикрывая двери и закрывая их на ключ.

– Ничего, бережёного Бог бережёт. Мало ли что, с проверкой пойдут, а мы спим. Дала сведения, что ваше купе занято до Краснодара, все будет тип-топ. Ну, что пригорюнились, подруженьки? Наливаем по маленькой? А? – проводница Вера бережно взяла в руки бутылку, обтёрла полотенцем с неё пот, вздохнула с удовольствием, протяжно и стала наливать по глоточку в маленькие пластиковые рюмочки.

В купе запахло водкой... Этот запах щекотал в носу. Хотелось немного потрогать нос и втянуть с удовольствием воздух, вздохнуть, предвкушая вкус водки и приятной теплоты после выпитого.

– Ну, что? За знакомство, девчонки? А кто скажет, что это не так? Пусть попробует... – сказала Вера и протянула к нам свою рюмку.

Мы символично чокнулись и выпили.

Водка сначала обожгла горло, а потом скатилась в желудок и разлилась приятным теплом по нему. Захотелось вздрогнуть, встрепенуться. Сразу обострились все чувства и обоняние тоже, и я почувствовала, как вкусно пахнет у нас в купе продуктами и сказала:

– Ну, что налетай. Вкусно... Закусим немного, а потом и поговорим – пригласила я Алёну и Веру к столу.

На столе было всего достаточно.

Алёна взяла свой недоеденный бутерброд. Потянула носом запах вкусного свежего хлеба, огурца, копчёного сервелата, и стала, есть, а у Веры глаза разбежались. Она сидела, рассматривая всю снедь, и думала, что выбрать, а потом, как бы что-то вспомнив, выбрала сервелат, красиво и тоненько нарезанный и уложенный на подложке.

– Ой, и люблю же я эту копчёненькую колбаску. Дай подышать её ароматом, душа поёт. А знаете, в моей жизни был случай, отказалась от колбаски, каюсь, но когда первую зарплату получила, да что и говорить, слёзы, а не зарплата. Пошла в коммерческий, и на все свои копейки купила полтора кило краковской колбасы. Пришла домой, а мама чуть не умерла от увиденного. В семье каждая копеечка была на счету, а я всю свою зарплату на колбасу потратила. Ох, и выдала она мне авансом, виде полотенца скрученного, да вдоль спины. Долго гонялась за мной по дому и сенцам, пока я не схватила колбасу и не спряталась на чердаке. Сижу, плачу. Обидно. Ведь первая зарплата, хотелось всех угостить деликатесом, а мама с этой выволочкой. Думаете, от боли плакала? Нет. От обиды за нашу треклятую нищую жизнь. Что учится не дали, а отправили вагоны мыть в депо в 15 лет. Пригонят состав грязнучий, а ты ползай под ним и мой... Адов труд, а платили крохи. Вот сижу на чердаке, а она зараза так пахнет в кульке, что тошнит и голова кружится. Вот тогда я и решила – всю её изничтожить, а потом собраться и уйти в железнодорожное училище. Так и сделала. Сидела, плакала горячими слезами и закусывала краковской копчёной колбаской. Ой, да что это я то про себя, да про себя... Много чего было в жизни, чего уж об этом... А колбаску люблю до сих пор. Получу зарплату, иду в коммерческий и покупаю килограммчик, прихожу домой, и от души с чёрным хлебушком и сладким чайком... – говорила Вера, делая себе хороший бутербродик и любуясь своим твореньем.

– Вера, а почему и когда ж ты отказалась от колбаски, расскажи, пока закусываем – перебила я её.

– А? Да это была интересная история из моего детства. Щас, попробую колбаски и расскажу – ответила Вера, смачно кусая почти половину бутерброда, и от удовольствия прикрывая глаза, вздыхая и улыбаясь довольной кошачьей мурлыкающей улыбкой.

– Это конечно долгая история, но я по – быстрому, только суть – быстро проговорила Вера – а то водка греется и тост напрашивается.

– Так вот, это сейчас все учатся по – разному, кто в гимназиях, кто в лицеях, как Пушкин, а кто и в простых школах, а раньше все скопом, в одной учились. Там всяких было, но больше наших бедных, как все. Вот однажды к нам в класс привели девочку, она была дочка директора завода. Платье модное, чёрное, а у нас коричневые формы были, воротник – кружевной с рюшами, косы заплетены корзиночкой с большими красивыми бантами, нарядная, как

кукла, да и только. Посадили её на первую парту, а учительница её представила и говорит, что она будет учиться в нашем классе и нужно с ней подружиться. Ну, чего нам, растрёпам, с ней дружить, да мы и не стали навязываться. А жили мы рядом я, Катька и Митька в одном дворе с этой куколкой. Жили мы скудно, самое вкусное было вечером вынести во двор кусок белого хлеба с горчичным маслом, посыпанным песком сахарным или солью, за отсутствия оного. Сидим в кустах на лавке и хвастаемся что у кого на ужин, а есть хочется, жуть. Все так жили, бедно. А эта куколка выйдет, ей скучно одной, походит, походит рядом и к нам. Ну, что сказать, учительница ведь велела дружить, вот мы её и приняли. Чего ж, место не куплено, не жалко. Вот однажды, она выходит вечером и несет с собой большой бутерброд. На большом ломте белого батона лежали тоненько нарезанные кусочки копчёной краковской колбасы. Мы сидели на лавке, ели свой черный хлеб с горчичным маслом и давились слюнями от запаха этой самой краковской колбаски. А эта куколка всё быстро смекнула и говорит, что даст понюхать и чуть – чуть откусить тому, кто будет дружить только с ней. Сидит и потихоньку дразнит, нюхает и маленькими кусочками откусывает свой бутерброд и ест. А колбаса умопомрачительно пахнет, аж под ложечкой сосёт. А мы сидим и молчим, на неё не смотрим. Ну, в общем, я тогда отказалась и ушла домой, хотя очень хотелось попробовать, что это такое настоящая краковская копчёная колбаса, а Митька с Катькой согласились, не смогли выстоять. А на следующий день, Митька уже нёс портфель этой куколки и шёл следом за ней, а Катя, стала доску вытирать от мела, поскольку было дежурство этой куколки. А когда пришли вечером меня на улицу звать, я не пошла с ними, и сказала, что дружба за колбасу не продаётся. Больше я с ними не дружила и сейчас, когда приезжаю домой, не разговариваю. Знаю, глупо. А не могу простить моим друзьям той слабости. Зря наверное... А колбаску всё равно люблю. Спасибо, уважили, вкусная. Так, давайте выпьем за это, что ни дружба, ни любовь за колбасу не продаётся... В общем, за нас, девоньки. Я вот, как увидела, как тебя твоя мамаша клюёт, аж вся наизнанку готова вывернуться, всё поняла сразу... Много людей повидала пока езжу проводницей. За тебя, Алёна... Пусть тебе счастье будет.. Давай.. А потом всё расскажешь... За то, что нас за колбасу не купишь...

Вера, достала бутылку и еще налила чисто символично по глотку.

Алёна сидела, смотрела куда- то в сторону и о чем-то думала.

– Ну, чего нюни распустила, выпила как лекарство, закусила колбаской, огурчиком и давай рассказывай, как до такого докатилась и куда бежишь?

А я сидела, хрустела огурчиком и думала, как же хорошо, что судьба так здорово нас свела именно здесь и именно в этом душном купе скорого поезда, спешащего на станцию назначения, только вот станции назначения у нас разные.

Вера как – будто угадала мысли Алёны.

Алена чуть о чём – то думала, держа в руке пластиковую рюмочку, слегка покачивая её, вдруг внимательно посмотрела на неё и сказала:

– Знаешь, Вера, ты сейчас такую правильную вещь сказала. Я долго подбирала слова, как да что, и почему... А тут всё ясно, как в детстве. Мы рождаемся все на свет счастливыми и чётко знаем, чего хотим, а чего не хотим. Всё верно, детские впечатления самые сильные и остаются на всю жизнь. Я всё не могла понять, почему я живу с Вадимом, хотя он меня, как женщину игнорирует уже много лет? Постоянно показывает, что я его не достойна, всем

видом и словами, особенно в обществе, унижает меня – говорит примерно так – «Да, вы её не слушайте, что с библиотекаря возьмёшь, только пыль веков...» или «Я, думаю тебе лучше помолчать...» – и я молчала. Просто была красивым приложением на его празднике жизни. Перед выходом на очередной нужный банкет он меня рассматривал и делал свои правки в мой престижный наряд в соответствии с рангом мероприятия. Я внутренне сопротивлялась и иногда робко высказывала ему всё, что думаю. Вот тогда Вадим подключал большую артиллерию – мою маму. А мама подавляла все мои сомнения своим напором, властью и всеми возможными и невозможными средствами. Как она это умеет, вы видели, и не только сегодня. Сегодня я получила иммунитет или прививку от её давления. Спасибо, Вам Вера. Вы все верно сказали – «дружба и любовь за колбасу не продаётся», а я это делала, потому, что с самого детства, видя, как мама живет, как не счастлива с папой и одинока по ночам, и я готовила себя к этому подсознательно, принимая всю тяжесть этого на свои плечи. И сегодня я поняла, как это прекрасно освободиться от всего, что много лет не давало мне вздохнуть полной грудью. Да, я выпью за любовь. И за тебя Вера, а еще за тебя Оля, и за того человека, который дал мне возможность это сделать – сказал на одном дыхании Алёна и глотнула из рюмочки.

Конечно, в рюмке налито было чисто символично, по граммуличке, но Алёна выдохнула, зажмурилась, наверно, от внутренней боли, закрыла лицо руками и заплакала. Она плакала навзрыд. Воздуху ей не хватало. Её донимала икота...

Мы с Верой сидели и переглядывались. Мы знали, что всё, стресс прошел. Поплачет – полегчает, а потом поговорим, и всё пройдет, как летний дождь. Вот такой наш бабий рецепт от стресса. Клин всегда клином вышибают.

Алёна немного успокоилась. Сразу как то уютно стало в купе. Ушла какая – то надменность и разница в положениях. Остались только слегка подпившие бабы и огромное желание пожалиться на судьбу. Увы, так уж мы устроены. Поплачемся, поплачемся, встряхнемся и дальше побежим, только вот куда, знать в какую сторону нужно, да этого никто и не знает, главное не останавливаться и не задумываться зачем...

– Ну, что? Как? Полегчало? Давай поешь и рассказывай. Да, не стесняйся здесь все свои, такие же, как и ты сердешные – тихо успокоила Алёну Вера – ой, если бы ты знала, сколько мне пришлось пережить? Двое суток пути не хватит, чтобы рассказать. А иногда, так хочется, чтобы всё – всё до самого доньшка выложить кому- то, а потом всё забыть и заново начать. А у тебя смотри, аж две собеседницы сидят тут и ждут твоего рассказа. Цени. Ты ешь, ешь... Вон, Оля всего припасла... Ей приятно будет, если мы всё съедим и похвалим. Я сама люблю наготовить всего и угощать. Сидеть и смотреть, как едят. Это я от одиночества. А ты, Оля, почему молчишь? И куда одна едешь? И тоже одна? А? – обратилась ко мне Вера.

– Да, я к подруге? Вон сколько подарков везу. Давно в гости зовёт, вот и собралась. Ну, что Алёна, легче стало? Да, ты не стесняйся. Слезы – это хорошо, значит душа ещё живая, а хуже, когда и слёз уже нет, только жуткая тоска, вот тогда совсем худо. Я думаю, ты правильно сделала, но не думаю, что Вадим и мать тебя, так просто выпустят из своих когтей. Для них ты была, как повод показать свою нужность и даже необходимость, и поэтому они очень бояться потерять тебя, а заодно и возможность сбрасывать на тебя свои промахи и фобии, тем самым доказывая превосходство своей посредственности, над талантом. Я думаю, что я не на много ошиблась. Этого сколько угодно в жизни. Жена – домохозяйка управляет мужем – руководителем и сводит его в могилу, или если у него хватит сил уйти от неё, замучает разборками, хотя и бывает наоборот. Это случается от того, что люди не могут найти своё место в жизни

и всё время совершенствоваться. У тебя хватило смелости и таланта получить золотую медаль, закончить университет, и стать заслуженным работником архива. Архивариус – одним словом, звучит гордо, а что знает твоя мама, да и Вадим, за которого кто-то писал диссертацию, а потом он получил в наследство связи. Конечно, это не мало, но это не вся жизнь. Вот он и подбирал тебе наряд, чтобы быть, как все, а ты редкий штучный алмаз, и оправа тебе нужна другая. Вот, что я думаю. Расскажи, что произошло? Как случилось, что ты без вещей едешь в этом купе? – просила я Алёну.

Алёна, вдруг как бы встрепенулась, приподнялась, выпрямила спину, поправила футболку и внимательно посмотрела на меня, стараясь понять, можно ли мне об этом рассказать.

– Ну, чего тянешь? Давай, рассказывай. Ради тебя тут устроили этот сабантуйчик – поддержала меня Вера – все рано меня и Олю не знаешь, да и мы тебя тоже, если кому и расскажем, тебя ж никто не знает, а душу облегчишь. Давай... Решайся скорей. А может допингу налить для храбрости?

– Нет, не надо. Я вообще не пью водку, а тут так все хорошо получилось... Достало до сердца и поплакала. А знаете, я сейчас всё расскажу. Вы правы, но только я не хочу, чтобы вот так, просто незнакомым попутчицам, я хочу рассказать всё моим самым дорогим людям, которые встретились мне в этот очень трудный период моей жизни. Я хочу, чтобы наши пути хоть иногда пересекались, хоть в инете или в маленьком звоночке раз в месяц или чаще. Для меня это важно. Я сейчас, как младенец, всё заново начинаю, всего боюсь и всё хочу узнать и понять. Хочу понять, почему близкие, мои любимые люди стали такими далёкими, а чужие – стали ближе и родней... Моя душа сейчас кровоточит, я даже представляю, как капельки крови капают и капают, а рана потихоньку начитает затягиваться... – Алёна прикрыла глаза, скрестила руки на груди в плотный замок и сидела, прислонившись спиной к стенке купе.

Вагон слегка качнуло. Алёна в такт вагону качнула головой и чуть не ударилась о крепёж верхней полки.

– Ой, ну вот и всё. И всё равно я права, что еду... Больно конечно больно, но и боль бывает приятной, потому, что потом наступает выздоровление...

Мне казалось, что я почувствовала её боль и тревогу. Мне хотелось подойти обнять её и что-то хорошее сказать, но я молчала, смотрела на Веру.

Вера сидела и тихо плакала. Крупные слезинки скатывались по её щекам одна за другой. Вера влажной от слёз салфеткой пыталась их поймать и вытереть, но это ей удавалось плохо, и слезы стекали на голубой воротничок форменной рубашки.

– Ой, ёйййй... не могу. Сижу и сама реву за тебя. Думаешь, только у тебя такая жизнь никчёмная? Думаешь, я мотаюсь тут от хорошего? – шмыгая носом, говорила Вера – Ну, чего молчишь или налить?

– Нет, не надо. Слушайте... Случилось это здесь в Москве. Лет 5 назад. Даже не могла я подумать, чем это всё закончится – сказала Алёна, слегка улыбаясь, сквозь слезы.

Мы с Верой повозились, сели рядышком на моей полке и стали слушать, не задавая вопросов...

Немного помолчав, Алена продолжила.

– Вы думаете, так всё просто о себе взять и рассказать? Как найти слова, как выразить все свои переживания – я не знаю – начала свой рассказ Алёна – я не привыкла что-то рассказывать о себе. В нашей семье – это большое табу. Все скрыто за семью печатями. Как мой папа говорит, что «просто так ничего не даётся, а за статус нужно платить». А мне кажется, не платить, а расплачиваться, не просто расплачиваться, а своей жизнью и своими желаньям и счастьем. Некоторые привыкают, как пристяжные в тройке, так и бегут рысцей рядом, как моя мама, а я не смогла. Наверно, это сказалось мамино подсознательное желание вырваться из этого замкнутого порочного круга, дать мне хорошее образование и показать другие грани и возможности жизни, но – увы, её затянула трясина номенклатуры и болото окружающее их всех, кто делает эту так сказать «элиту» оной. Мама втянулась и стала такой же, как все манипуляторшей и такой же надменной и уверенной, что её связи всё могут... Она стала такой, какой её сделал и хотел видеть отец, но самое главное, мама решила для себя, что я её собственность и из меня можно лепить всё, что ей заблагорассудится. Что она с успехом и делал и ей это почти удалось.

Лет пять назад мама пришла ко мне очень рано, я еще спала. Я тогда еще работала и уходила после 9 утра на работу. Было часов 7 утра.

– Ну, и чего ты тут вылёживаешься – завелась она с порога, увидев меня заспанную в пеньюаре.

Я ничего не смогла ей внятного ответить. Стою, смотрю на неё и соображаю, что случилось и каким домкратом маму, так рано подняло с постели. Она раньше 11 часов не встаёт, пока всех не обзвонит.

– Мама что случилось? Что с папой? – спрашиваю я, хотя понимаю, если бы что-то с папой случилось, она бы уже все телефоны оборвала.

– Нет! С папой то всё в порядке, а вот что с тобой? Почему ты в постели и спокойно спишь, когда твоего мужа дома нет? Я бы уже всех обзвонила и всех на уши подняла? Ты что, его потерять хочешь? – не проходя, прямо с порога начала проповедь мама.

– Мама, да что случилось? Что с Вадимом? Где он? Он сегодня не ночевал дома, это нормально. Предупредил, что не будет ночевать, я что должна носиться по всей Москве за ним? Ты зачем так рано встала и пришла? – негодовала я – ты же знаешь, что между нами давно ничего нет и у него своя жизнь, а где он и с кем меня давно не волнует.

Не буду описывать всё, что мама мне сказала, как отчитывала и обвиняла меня во всех смертных грехах, а потом сказала:

– Не надо мне твоего кофе и чаю тоже. Собирайся. Мне доложили, где он, поехали, а то потеряешь всё и положение и статус, а заодно и отца подставишь. Не с той бабой твой муженек связался. Поехали. Одевайся скорей. Я на папиной машине с Костей.

Тогда я не стала спорить с мамой, просто собралась и поехала.

Не буду описывать ужас всего, что мне пришлось пережить. Мама боролась за моё счастье, как львица, когда увидела полупьяного, и счастливого своего зятя чуть ли не в объятиях какой – то кокотки, девицы лет на 20 его моложе и неизвестного рода племени. Я просто повернулась и ушла. Я очень пожалела, о том, что поехал с ней. Позже, не знаю почему, но мама с Вадимом после этого еще ближе и дружнее стали.

– Вот видишь, дочка, Вадим стал, как шелковый. Вот что значит во время принять меры, но и ты пойми работа у наших вредная, им иногда и расслабиться нужно... А ты, как сугроб холодная и надменная, поласковой с мужем нужно, поласковой, тем более с таким, у которого всё в руках.

А я тогда выскочила из подъезда и почти побежала. Просто шла и шла и не знала куда уйти или убежать от этого ужаса. Я тогда просто очнулась, как ото сна. Я вдруг поняла всю безнравственность своей жизни, что прожила и не задумывалась, что может быть другая сторона, вот такая счастлива и взбалмошная, даже такая как у Вадима безрассудная. А я не жила, я существовала, но самое главное со всем смирилась и прикрылась лишь одним словом – номенклатура, и так принято, так нужно, и не задумывалась – зачем и кому?

Я не знаю, сколько времени, я шла и в каком направлении.

Меня вывел из стресса мамин звонок:

– Ну, ты еще где? Всё отвоевали, везем блудного мужа домой. Он всё осознал и извиняется. Жди сейчас привезу, и не ругайся, проспится, потом поговорите, в жизни бывает всякое, особенно в нашей... – наигранно и многозначительно наставляла меня мама, думая, что я дома и жду их.

Я выключила телефон. И только тогда я поняла, что всё, больше так не смогу жить, что пришло время менять что-то в своей жизни. Я огляделась и поняла, что нахожусь недалеко от Сокольников. В парке еще никого не было. Кафе только начинали открываться. Я устала. Зашла в одно из таких кафе. В кафе было с утра не уютно, но пахло кофе. В желудке засосала под ложечкой. Жизнь начала брать своё. Я заказала кофе и печенье и села за столик у окна. Печенье и кофе немного взбодрили меня, и я стала думать и анализировать ситуацию, а так же искать выход из неё.

За соседний столик сел, вошедший следом мужчина. Он заказал горячие сосиски и еще что-то. Барменша стала варить сосиски. Они так вкусно пахли. А когда мужчина стал их есть, я посмотрела на него. Перед ним стояла тарелка с горкой дымящихся сосисок и бутылочка с кетчупом. Он брал каждую сосиску и намазывал кетчупом и почти всю проглатывал и запивал чаем. Он был такой счастливый и голодный, что не замечал ничего вокруг, кроме этой горки сосисок. Он почувствовал мой пристальный взгляд и посмотрел на меня, а потом вдруг улыбнулся и озорно подмигнул, поглощая очередную сосиску. Мне стало весело от этого, и я ему улыбнулась. Мужчина предложил мне одну сосиску, предварительно намазав её кетчупом. Я согласилась. Он пересел ко мне за столик, и мы стали есть сосиски. Это было здорово. Впервые в жизни я просто так сидела рано утром, в каком – то кафе и ела фасфут, и мне было хорошо. Ко мне подошла барменша и принесла счёт. И тут только я поняла, что вышла из дома без своей сумочки и без денег. Что я привыкла, жить по иным канонам, которые здесь не работают. Мне ничего не оставалось делать, как попросить немного денег у мужчины, предложив ему моё кольцо в залог или телефон. На телефон он согласился, но поставил своё условие про-

гуляться по парку вместе, и что я ему позже покажу Москву, поскольку он здесь впервые. Я согласилась. Он расплатился, и мы пошли гулять. Странное это было чувство. Раннее утро в Сокольниках. Начало осени. Воздух свежий влажный, прохладный. На аллеях только слушающие парка и такая странная парочка, бредущая, куда и зачем не зная.

– Давайте знакомиться. Саша. А Вас как зовут?

– А меня – Алёна – просто сказала я и стала рассказывать о Сокольниках и Москве. Затем я позвонила на работу и взяла отгул.

В это день мы долго бродили по Москве, а потом обедали в кафе на Москве реке. Мне было так хорошо, я старалась не думать о маме и утреннем происшествии. Саша не стал меня ни о чём спрашивать в тот день. Было и так всё понятно, поскольку мама названивала целый день, и я ей неловко отвечала, что занята на работе. Впервые в жизни, я говорила не то, что было нужно, но иначе я не смогла. Переживания мои ушли на время. Мне было хорошо и спокойно с Сашей. На прощанье он оставил мой телефон себе, для того, чтобы я выполнила своё обещание и принесла свой долг. Как он выразился – «этот долг чести платежом красен». Мы условились, что созвонимся и встретимся, и я проведу еще одну обстоятельную экскурсию по Москве. Саша приехал в Москву в госпиталь на обследование. Он был военный. Его должны были комиссовать и вывести на пенсию. Гостиница была рядом с парком Сокольники, куда меня и привела судьба. Вот, в общем – то так и познакомились. Всё просто без бразильских страстей. Когда приехала домой, то дома меня ждала вся семья. Они уже узнали, что я не была на работе, что где-то пропадала весь день, и что по моему телефону отвечал маме какой-то мужчина. Впервые мне было смешно смотреть на их расстроенные лица. Получилось так, что это я провинилась, а не Вадим, и стала виновна в этом. Но меня это уже не волновало так, как раньше.

– Да, вот так история. Ну, и мать у тебя – змеища... Да, при том еще и подколотная... – проговорила Вера, вздыхая – А Вадим то хоть извинился?

– Нет, конечно. Когда родители ушли, устроил мне скандал, за то что я припёрлась, и мать за собой притащила, что всё равно, он не будет прежним, и что так все живут, и это нормально, что я всегда должна быть дома, а не шляться неизвестно где. Да что и говорить. Они меня пытались, как ягнёнка несмышлёного загнать в ясли, но я уже изменилась. Мне хотелось иного. Мне вдруг захотелось свободы и простого человеческого счастья. Вот так один день и перевернул всю мою жизнь с головы на ноги.

Пока Саша лежал месяц в госпитале, мы встречались по выходным, и я показывала ему Москву. Мы пешком бродили целыми днями. Я была счастлива только тем, что просто могу позволить себе гулять по Москве. Вы не представляете, что такое всю жизнь видеть Москву из окна номенклатурного автомобиля. Конечно, наши прогулки сделали своё дело. Появилось настоящее чувство, а потом и отношения. Редкие, но они были, чего скрывать. Я оживала. И это сразу все заметили. Саша уехал. Его комиссовали и вывели на пенсию, и он стал меня уговаривать переехать к нему. Это длилось почти 5 лет, пока я не вышла на пенсию. Всё это время мама меня пилила, а Вадим жутко ревновал и выдвигал новые невыполнимые требования. Я к этому уже относилась спокойно, зная, что у меня есть мой Саша.

– Да, история интересная. Но самое главное, что в неё есть место любви. И молодец что решила ехать... А как же это случилось? – спросила я.

– Нет. Погоди. Давай чайку принесу. Обновим, а потом расскажешь – встрепенулась Вера и пошла за чаем.

Вера ушла за чаем, а мы с Алёной остались в купе.

У меня не нашлось слов, что-то сказать ей. Я не знала, что сказать и посоветовать. Я просто сидела и осмысливала, всё сказанное ею.

– Оля, Вы меня осуждаете? Вы так длинно молчите? – не выдержав паузы, спросила меня Алёна.

– Да, что ты, Алёна. Просто я слушала тебя и металась, между тобой, твоими переживаниями и неуёмной, безудержной, всепоглощающе и даже игнорирующей собственные проблемы, заботой твоей матери. Вот тот пример, когда любовь зла. Ты правильно сделала, что разорвала эту цепочку. Ничего хорошего там нет, но я переживаю, что тебя, может просто не устроить жизнь простого обывателя, ведь твой Саша простой военный пенсионер, с широкой нежной душой, жаждущей, после трудной доли военного офицера, любви и покоя, и своими понятиями чести и амбициями. Придется очень трудно привыкать к новой жизни и ездить в трамваях и автобусах, а еще много ходить пешком, хотя это очень полезно.

– Ой, чего полезно? Что я пропустила? Подождите меня, я тоже хочу послушать – втиснулась в купе Вера с тремя стаканами в фирменных подстаканниках горячего чая с лимоном.

– Да, ничего не пропустила. Мы просто обсуждаем возможность и полезность пеших прогулок – отшутилась я – давай свой чаёк. Люблю горяченький, да с подстаканничком, с лимончиком, а ещё, чтобы стаканчик был из тонкого стекла, а не гранёный, как обычно бывает. Ложечкой позвенишь – душа поёт. Раньше любила ездить в командировки. Одна отрада в пути – хороший горячий чай. Возьмешь чего – ни будь вкусного, чайку заваришь и отдыхай. Пока добираться до места поездом, выплусь. Дома дети, работа, забота, а тут благодать... – вспомнила я.

– Да, какая благодать то? Это для вас благодать, а для нас? Одна работа и суета, всю смену не присядешь. Вы спите и катите по своим делам, а мы работаем. Ну, Алёна, что я пропустила? На, попей чайку. Душу согрей и давай рассказывай, как это ты на вокзале оказалась? – подначила Вера Алёну.

– Да, накануне день не заладился. Мы с Вадимом крупно поговорили. Мне надоели его вечные ночёвки то на работе в комнате отдыха, то кратковременные командировки с ночёвкой в гостинице. Сыновья начали меня воспитывать, по наущению бабушки, чтобы я серьёзно поговорила с мужем и наконец, взялась за ум и поставила его на место, потому, что его разгульная жизнь вредит репутации моего отца и семьи в целом. А чего спасать? Семьи давно не уже было. Вчера Вадим ночевал дома в своём кабинете. Утром я решилась с ними поговорить. Я же не работаю. Встала пораньше, приготовила завтрак, когда он встал и вышел в столовую, высказала ему об опасениях матери и его детей, а еще чтобы он свои выходки немного скрывал от всех, чтобы сплетен меньше было. Лучше бы я ничего не говорила... Вадим разразился такой почти площадной бранью, что дома ему плохо, что я его вечно в чём – то обвиняю и жалуюсь моей мамаше, что настраиваю сыновей против него, что стала похожа на наседку, что лучше бы привела себя в порядок, сходила на фитнес, косметологу и дизайнеру по одежде,

что похожа стала на дешёвку из провинции... Он кричал и кричал, каждое его слово било меня наотмашь по самому больному. Все считали меня очень привлекательной и стильной дамой. Обращались за советом. Мужчины нашего круга всегда обращали на меня внимание и говорили много всевозможных комплементов, что тоже очень раздражало Вадима. После очередного приёма, придя домой, он всегда говорил мне, что я улыбаюсь и веду себя, как продавщица ларька. А тут вдруг такое. Я отлично понимала, почему он так разошелся. Уйти от меня он не мог, поскольку женился на папиных связях, и без них ему бы трудно пришлось бы, а жить со мной ему не хотелось, вот он и бесился. Я просто сидела и слушала и смотрела на Вадима, и думала, как же так я допустила, что моя жизнь превратилась в подобие ЧП и только, а Вадим в моего начальника, с правом устраивать по любому поводу скандалы и разносы. А он, между тем, видя моё равнодушие, распался еще больше. В конце концов, он приказал мне, чтобы я привела себя в порядок. Надела красивое вечернее платье в фиолетовых тонах с колье из сапфиров, подаренных им на 25-летие свадьбы, и ждала его дома, предстоял очень важный для него выход в свет. А еще велел приготовить его смокинг, в тон моего платья запонки и черные замшевые английские туфли. Сказав это приказным тоном, не терпящим возражения, он вышел победителем, а я осталась сидеть со своим завтраком в столовой. Я не о чём не могла думать, как о тех его замшевых туфлях, которые я должна приготовить и ждать «его милость», как побитая собачонка у порога – Говорила Алёна, почти плача.

Мы с Верой сидели и удручённо молчали. Сказать было нечего.

– Вы, не представляете, что в моей душе творилось. Получалось, что во всём, что происходило с Вадимом – виновата я, а моя семья, меня не во что не ставила. Все меня обвиняли, но в чём? Что я терпеливо, принимала и помогала всем, что никогда не скандалила, а вернее смирилась с этой ситуацией... Я в тот момент, была готова, выброситься с 12 этажа нашей высотки. Не знаю, что меня удержало? Честно, не знаю... Наверно, по инерции пошла в гардеробную и стала машинально готовить одежду к выходу. Открыла шкаф, достала своё вечернее платье и его смокинг. Затем вынула из коробки мои изящные черные замшевые лодочки и его английские туфли и поставила рядом. Открыла сейф и достала мои украшения и его запонки, и вдруг, осмотревшись и увидев всё это, многие меня не поймут, я поняла, что не могу так больше, не могу больше улыбаться всем и делать вид, что всё замечательно. Вот тогда, как в тумане, ничего не понимая, что со мной происходит, я взяла вот эту сумку – рюкзак, сложила все свои документы, украшения и карточки, смену белья и немного одежды и выбежала, захлопнув квартиру, оставив свой комплект ключей там, в квартире. Я почти бежала по улице, куда, сама не зная потом решила, вошла в метро для того, чтобы ехать к маме, поскольку не знала, куда мне идти и что делать, но оставаться там больше не смогла.

– И что, всё бросила? – спросила Вера.

– Да, всё бросила. Я не бросила, я просто закрыла ту страницу своей жизни. Квартира – папина, вещи тоже казённые, хотя и дорогие. Тряпки мои? Да в нормальной жизни им места нет. Я же была, как кукла на чайник, разница в том, только что изысканно и стильно одета, и то только для того, чтобы просто показать, что я есть. Я вошла в метро. В кассе купила билет на поезд к Саше, и поехала к маме. Я хотела ей всё рассказать, поплакать, и сказать, что так жить больше не могу, что хочу развестись, но увы... Вадим уже позвонил маме, пока я была в пути, и мама меня встретила очень холодно. Она предложила мне поесть и пригласила на кухню, она сказала, что сейчас чайник вскипит, посидим и поговорим по семейному, просто на кухне. Меня это насторожило. Когда я пошла в ванную, помыть руки, то неожиданно услышала слова матери. Мать говорила с Вадимом по телефону и приглашала его немедленно при-

ехать и принять меры, а еще она говорила, что у меня нервный срыв, что я явилась почти голая в каких-то драных джинсах, и что меня пора лечить и даже может положить в больницу. Представляете, моя мама, вместо того, чтобы поговорить и помочь мне, принимала меры к обеспечению спасения, как ей казалось, папиной репутации и чести семьи. Я стояла и слушала... Я не верила, что это моя жизнь, и всё это со мной происходит... А потом мама сказала, что это мой хахаль сбивает меня с толку, и что нужно с ним разобраться. Я была в шоке, это не сказать ничего... И я все поняла. Я не стала ей ничего говорить, просто собралась и вышла из дома. Потом долго гуляла в Сокольниках. Купила немного еды в дорогу, и решила, что поеду к Саше, а там как получится. На крайний случай, я думаю пенсию не отнимут, она у меня московская, приличная, мне хватит, а дети потом, если поймут – простят, если нет – это их проблема. Когда я пришла на вокзал, меня мать уже ждала там, я не знаю, как она догадалась, что я уезжаю к Саше, наверно просто читала нашу переписку в интернете, а может и еще что – то, я не стала у неё спрашивать, а остальное вы видели.

– Даааааа..... Вот это -дааааа?... Твоя мать чистая мачеха, а то и ещё хуже... И законы у вас волчьи, если не ты, так тебя... Родную дочь чуть в психушку не сдала... А может у неё с Вадимом шашни были, чего она его тогда защищать то стала? – в раздумье проговорила Вера.

– Да, что ты Вера. Этого не может быть, просто мама хотела, чтобы никто не узнал, что происходит в нашей семье, это же отразилось бы на папиной репутации, а с подмоченной репутацией сложно сохранить свой статус и положение в обществе, хотя ты права – это волчьи законы, если не ты, так тебя съедят и не подавятся. Вот все из кожи лезут, а свои секреты семейные скрывают... – ответила Алёна.

– Да, история странная, но в жизни всё бывает. Я только боюсь, как бы это команда во главе с твоей матерью, не захотели тебя вернуть и не стали вредить вам. Знаешь, я просто скажу тебе, Алёна – продолжила я – ты правильно сделала, что разорвала этот порочный круг. Вы с Сашей взрослые люди, думаю, у вас все получится, и есть это право на своё маленькое счастье, только за свое счастье придется побороться.

– Ну, что мне пора идти сменяться. Я отпросилась у сменщицы только на 4 часа. Как быстро время пролетело... А с другой стороны, всего 4 часа каких-то, и вся жизнь тут... Как на ладошке уместилась. Не завидую я тебе, Алёна... Не завидую... Хоть моя жизнь и труднее на много была, но я была свободна сама ей распоряжаться, а тебе не завидую... Ты главное, не теряй эту свою свободу... Если с Сашей не сладится, живи одна, всё успокоится и дети поймут, не волчата же они. Ой, давай те еще по граммочке примем, как лекарство и побегу... Муторно после твоего рассказа на душе. Горько и обидно за тебя, и зло берет, что нельзя твоей матери врезать, как есть, по – простому, кто она такая на самом деле распоряжаться в чужой семье, как в своём катухе... – говорила Вера, наливая в пластиковые рюмочки.

Поезд притормаживал, перед какой-то станцией.

– Скоро большая станция, стоим минут 30, можно прогуляться и окно открыть, проветрить – сказала Вера – ну, давайте просто выпьем за наше бабье счастье, и пусть оно будет... Пусть хоть в конце жизни и чуть – чуть, но будет, иначе не справедливо получается. За нас и за любовь, которая за колбасу не продается.

Мы, молча, приняли водку, как лекарство от несчастья.

Вера забрала остатки водки, рюмки со стаканами и быстро ушла.

Поезд подходил к станции, скрипя тормозами и постукивая на переходах.

Мы убрали со стола, открыли окно и вышли на перрон.

Говорить ни о чём не хотелось. Было грустно и тяжело на душе от такого рассказа. Каждая из нас примеряла это на себя. Я просто не знала, как бы я смогла так жить, наверно не смогла бы, а с другой стороны просто не знаю...

Алёна, молча, ходила вдоль вагона туда и обратно. Я не знаю, о чём она думала, но вид у неё был сосредоточенный и сердитый. Скорее всего, она снова и снова переживала случившееся.

Вера молча, стояла у вагона, держа в руках флажки. Вид у неё был сердитый и непроступный. Она резко и чётко отвечала на вопросы пассажиров и от чего-то хмурилась, я думаю, она сердилась на себя, вспоминая свою жизнь.

– До отправления поезда осталось 5 минут. Пассажиры заходим в вагон – громко проговорила Вера.

Мы вошли в купе. Поезд тронулся, увозя нас дальше. Говорить не хотелось, и мы стали ложиться спать.

– Оля, ты меня осуждаешь? Все молчишь, а почему? – спросила тихо Алёна, укладываясь удобней на полке.

– Да, что ты, Алёна. Просто твой рассказ разбудит мои переживания, связанные с трудным периодом моей жизни, и я жалею, очень жалею, что не смогла тогда, как ты встать и уйти. Я просто испугалась, что останусь с троими детьми в те трудные девяностые... А сейчас уже поздно что – то менять, наверно, хотя и возможно. А ты – умница, всё правильно сделала, вот только боюсь, придется еще побороться тебе за своё счастье и свободу. Мать не потерпит проигрыша. Она еще заявит о своих правах на тебя, да и Вадима настроит с отцом. Удачи тебе – пожелала я Алёне.

– Спасибо. Мне так легко стало и спать захотелось, я целую вечность не спала... Спокойной ночи.

– Спокойной ночи – ответила я.

Алёна быстро уснула. Спала она, как ребенок. Сон был глубоким и спокойным. Едва я улавливала её дыхание. Её копна пшеничных волос разметалась веером по подушке, а руки сложив домиком, она положила под щеку.

Я долго не могла уснуть. Все лезли воспоминания из моей жизни и разговора нашего. Постепенно все перемешалось, и я уснула.

Поезд спешит к станции назначения, постукивая на стыках рельс, а электровоз изредка гудел на переездах, оповещая округу о своём прибытии.

Почти две суток мы ехали вместе в поезде до Владикавказа. Алёна очень изменилась. Стала более разговорчивой и весёлой. Телефон её московский мы отключили, решили взять паузу, для того, чтобы всем было о чём поразмыслить. Почему спросите вы? Да, всё просто. Есть такие люди, это касается мамы Алёны, которые не могут терпеть одиночество, поэтому и называются всем и по любому поводу, тем самым нарушая пространство абонентов, а ещё любят давать ненужные советы, рецепты и т. д. А в нашем случае, она звонила беспрестанно, как заевшая старая пластинка.

Любой её звонок вводил в ступор Алёну. Вадим и дети не звонили совсем.

На одной из станций, где стоянка была более получаса, мы сходили в Евросеть и купили новую симку для Алёны. Маме Алёна написала, что нет сети, и отключила её.

Вера в любую выдавшуюся свободную минутку забежала к нам в купе, и разговорам не было конца. Сложилось такое впечатление, что встретились старые подруги и не могут наговориться. О чём мы только не говорили, обо всём. Мне кажется, за время поездки мы все помолодели, и освободили место в душе для нового. Ни каких психологов не нужно, главное знать, что рядом есть человек умеющий просто выслушать, а еще просто промолчать, и не лезть со своими советами.

Маршрут нашего путешествия подходил к концу. Мы обменялись телефонами и адресами, так не хотелось расставаться и прощаться.

Алёну встретил её Саша.

Вера грустила, ей не хотелось расставаться, но мы договорились, что в обратный путь я поеду в её вагоне и мы ещё встретимся. И действительно мы встретились с ней через 2 недели, когда я возвращалась домой. Я её даже не узнала. Она очень изменилась, похудела, изменила причёску и цвет волос. Глаза сияли от счастья. Она еле дождалась, когда можно было просто посплетничать. А причин было много, ибо в жизни Веры появился мужчина, но это уже другая история и другой рассказ.

А что стало с Алёной? – спросите вы?

Алена мне позвонила через три месяца из Москвы. Первое время всё было хорошо, но потом неприятности посыпались, как из рога изобилия. Родственники Алёны не успокоились с отъездом Алёны и предприняли всё и все средства, чтобы разрушить отношения и счастье Алёны. Вадим ни на какой развод не соглашался, мать приезжала к ней во Владикавказ и устраивала на высшем уровне просто её травлю, дети не общались с ней. Саша потерял работу, и всё по той же причине не мог никуда устроиться. Материально стало сложно жить и Алёна наняла адвоката, и они жили в Москве с Сашей, пока шёл бракоразводный процесс.

Она позвонила мне поздно вечером.

– Добрый вечер, Оля. Ты меня помнишь? Это я Алёна. Знаешь, всё вышло, как ты и говорила. Мать почти разрушила мою жизнь, развод Вадим не даёт, судья же даёт очередной срок на примирение, на 6 месяцев, что делать? Подскажи... Мы с Сашей почти готовы, расстаться. А я не хочу его терять. Что делать... – взволнованно говорила в трубку Алёна.

Я не знала, что ответить Алёне, что ей посоветовать и сказала:

– Не волнуйся, Алёна. Главное спокойствие. Это и так было понятно. Это нужно пережить, просто пережить. Я понимаю и Сашину горячность, и вспыльчивость, он же военный и привык воевать, но на этом фронте он не может выиграть, а в данном случае поражение и есть его победа. Дайте доверенность адвокату на представление тебя и твоих интересов в суде, езжайте домой и подавайте в суд там, на месте, думаю, там легче будет выиграть, а если проиграете, тоже не беда, главное вместе. Тебя и вызвали сюда, чтобы Саша в непривычной обстановке чувствовал себя неудобно и вернулся к себе, а ты осталась тут одна. Это моё мнение.

Мы с Алёной проговорили ещё более часа. Алёна согласилась, что это разумно. На следующий день они вернулись домой.

А потом было еще несколько звонков. И вот наконец, Алёна позвонила и торжественно объявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.